

ЗЛАТА ХИТРОВА

ПО ПРИКАЗУ
МАЖОРА.

Любить запрещено!

Злата Хитрова

**По приказу мажора.
Любить запрещено!**

«Автор»

2026

Хитрова З.

По приказу мажора. Любить запрещено! / З. Хитрова — «Автор»,
2026

Мой отец проиграл состояние. А расплачиваться заставили меня. Чтобы остаться в театральной академии, я должна подписать контракт с Марком Велесовым — богатым, жестоким наследником, который привык распоряжаться чужими судьбами. Теперь я его личная ассистентка. Без права возражать. Без права уйти. Он обещал сломать мой характер. Я поклялась не подчиняться. Но чем сильнее мы ненавидим друг друга, тем опаснее становится притяжение. А потом я узнаю: отцовский долг может быть подделкой. Кто-то превратил мою жизнь в спектакль, где мне отвели роль бесправной куклы. Я найду режиссёра этой лжи. Даже если Марк окажется по другую сторону сцены. Только теперь ставки стали намного выше.

© Хитрова З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Злата Хитрова

По приказу мажора. Любить запрещено!

Глава 1

В коридоре ректората пахло старой бумагой и пылью. Я в третий раз перечитала цифру долга. Она не уменьшилась.

Перед кабинетом 402 я остановилась, хотя ноги уже сами несли меня вниз, к выходу. Из папки торчал угол приложения: секретарь даже не потрудились скрепить листы. Прижала их к груди. Если сейчас всё рассыплется, я ведь начну подбирать. На коленях, посреди ректората. Именно этого они и ждут.

— Ты понимаешь, Алина, что альтернатив нет? — спросил Савельев десять минут назад. Тогда он ещё позволил мне сесть. — Сумма, которую проиграл твой отец, больше стоимости пяти лет обучения. Погасить её он не может. Ты, насколько понимаю, тоже.

Я успела открыть рот, но ректор положил палец на договор. — Велесов предлагает тебе работу в счёт долга. Откажешься — мы исключим тебя по финансовым основаниям. Восстановление я подписывать не буду.

Всё остальное я бы как-нибудь перенесла. Снимать комнату с четырьмя соседками, питаться макаронами, репетировать в коридоре. Но «исключить» — это вернуться к маме с чемоданом и сказать, что зря она подменяла продавщиц по выходным. Я уставилась на портрет режиссера над секретарским столом. Ему в нашей подвальной студии поклонялись. Интересно, он тоже начинал с такой папки?

Я перечислила Савельеву всё, что умею: мыть полы, накрывать столы, разносить обеды. Даже ночная смена в столовой меня устраивала. Лишь бы приходить туда на определенные часы и потом уходить. Слово «уходить» ректор пропустил мимо ушей.

Но Савельев лишь поправил очки и указал на пункт договора: «Личное обслуживание наследника Велесова является единственным способом покрытия убытков».

Марк Велесов. Конечно. Ему мало было держать весь курс над своим списком ролей — теперь ещё и я. На распределении он мог вычеркнуть фамилию посреди чужой реплики. Мы сидели и делали вид, что это режиссерское решение, а не каприз. Только у остальных была возможность уйти с репетиции. У меня в договоре стояло «личное обслуживание».

Дверь кабинета открылась раньше, чем я успела постучать.

— Ого. Гляди-ка, кто здесь. Будущая прислуга?

Я узнала Лику раньше, чем подняла голову: так нежно со мной больше никто не разговаривал. Дарская прислонилась к косяку, не собираясь уступать дорогу. Ректорская дочь могла здесь стоять сколько угодно. На платье у неё шевельнулся блик от потолочной лампы; я машинально опустила папку, прикрывая колени в вытертых джинсах. И тут же разозлилась на себя. Ещё чего — прятаться.

— Проходи, Алинчик, — она растянула улыбку, обнажая ровные белые зубы. — Не стесняйся. Теперь это твой дом. Ну, почти. Хотя, скорее, ты будешь жить в его шкафу. Или под кроватью. Смотря по настроению господина Велесова.

Я молчала. Хотелось ответить так, чтобы она отступила. Но за её плечом уже выглядывали студенты; я вцепилась в папку и удержала лицо. Если я заплачу, если покажу страх — она добьет меня. Прямо сейчас, в этом коридоре, под взглядами других студентов, которые уже начали шептаться.

— Почему молчишь? Стыдно? — Она приблизилась, и мне пришлось задержать дыхание: духи были до тошноты сладкие. — Я бы со стыда сдохла. Папочка проиграл деньги сына магната. В покер! Говорят, даже блефовать толком не умел. Сдавался сразу.

Лица заглянула мне в лицо. — Ты тоже сдашься. Только не сразу, Марку так неинтересно.

Она уперлась пальцами в моё плечо и толкнула. Не сильно — ровно настолько, чтобы я отступила и она могла улыбнуться тем, кто смотрел из коридора.

— Не трогай меня, — тихо сказала я. Мой голос дрогнул, но слова были твердыми.

Лица рассмеялась. Коротко, резко.

— Ой, какая сталь! Жаль, что её легко согнуть. Посмотрим, сколько ты продержишься в его кабинете. Там нет места для слабых. Там есть только хозяин и вещи.

Я протиснулась мимо. Лица убрала бедро в последний момент, и я всё-таки задела её платье краем папки. Теперь до конца разговора она будет обсуждать, как я тряслась. Ну, пусть обсуждает. Перед Марком трястись я не собиралась.

Сначала я увидела окна — высокие, почти до потолка, — и двор за ними. Ноябрь, голые ветки, наш завхоз тащит мешок с листьями. Обычная жизнь, до которой отсюда не дотянуться. Потом заметила рояль. Черный, без единой пылинки. Марк сидел за ним спиной к двери.

В мелодии я не могла поймать ни такт, ни знакомую фразу. Он ударял по клавишам, вдруг останавливался и начинал с другого места. Под подошвой у меня скрипнула доска. Марк не обернулся. Значит, слышал, просто ему было удобнее, чтобы я ждала.

Дверную ручку я отпустила не сразу. Уйти ведь можно. Савельев не привязал меня к батарее. Только потом придётся объяснять дома, почему я согласилась отдать год жизни, но не выдержала пяти минут у чужого рояля. Пять минут уже прошли. Между лопатками заныло; я переложила папку в другую руку и опять приготовилась ждать. Как будто он когда-нибудь наиграется.

«Не будь жертвой», — шептал внутренний голос. «Покажи ему, что ты не вещь».

Тишина стала невыносимой. Он перебирал клавиши, а я всё ждала разрешения подойти. Ещё минута — и я начну извиняться за то, что вообще вошла. Нет уж.

— Вы закончили? — спросила я. Громко. Четко.

Он оборвал фразу, оставив руку на клавишах. Повернулся через плечо и посмотрел сначала на папку, потом на меня. Серые глаза, темные ресницы — на фотографиях академии он выглядел старше. Здесь оказались видны и небритый подбородок, и след от воротника на шее. Я ещё успела подумать, что красивый. Очень некстати.

— Ты сбива меня с мысли, — произнес он с таким недоумением, словно я оборвала выступление перед полным залом. — Редкость для людей твоего уровня. Обычно они боятся дышать слишком громко.

Когда он встал, мне захотелось отступить к дверям. Я даже переставила ногу и за это немедленно себя возненавидела. Марк заметил. Конечно, заметил — он на кастингах ловил дрогнувший подбородок с последнего ряда. Прижала пятку к полу. Мама ради моих учебников работает на двух работах; я ради них хотя бы постою.

— Я пришла подписать контракт, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ректор сказал, что условия известны.

Марк усмехнулся. У него дрогнул уголок рта. Он уже знал, что я прочту, и ждал реакции.

— Условия? — он подошел к столу, заваленному бумагами, и бросил одну на деревянную поверхность. Бумага скользнула прямо к краю, останавливаясь в миллиметре от моих пальцев. — Читай вслух. Каждое слово. Мне нравится слушать, как дрожат твои губы.

Я взяла лист. Мелкий шрифт. Между строк почти нет воздуха. Я провела пальцем по первому пункту, пытаюсь не перескочить сразу к концу. Но взгляд уже зацепился за «круглосуточно». Чёрт. Круглосуточно — это сколько часов я буду принадлежать себе? Ноль?

«Ассистент обязуется находиться в непосредственной близости от объекта (Велесов М.) круглосуточно. Обязуется носить одежду, указанную объектом, без права выбора. Обязуется молчать, если объект не разрешил говорить. Обязуется терпеть любые физические и эмоциональные нагрузки, связанные с рабочим процессом...»

Глава 2

— Это рабство, — прошептала я, поднимая глаза.

— Это услуга, — поправил Марк. Он обошел стол и встал напротив меня. Так близко, что я чувствовала тепло его тела сквозь ткань рубашки. Запах сандала и дорогого табака ударил в нос, головокружительный и тяжелый. — Ты хочешь учиться? Тогда плати. Деньгами не можешь? Плати собой.

— Пункт про ночевку... — начала я, пытаюсь торговаться. — Это неприемлемо. Я могу выполнять работу днем. Я буду вашей ассистенткой на репетициях, в офисе. Но дома...

— Нет, — одно слово. Резкое. Отсекающее. — Ты будешь там, где я скажу. Когда я скажу. Если ты не согласна, дверь открыта. Исключение оформят через час. Твои родители узнают первыми. Они ведь гордятся тобой, правда? Что их дочь стала должницей наследника Велесова?

Лист хрустнул в пальцах. Я расправила его, чтобы Марк не решил, будто вот-вот порву. Порвать его экземпляр было бы приятно. Только мой всё равно оставался у Савельева, а имя на приказе об исключении он уже приготовил.

— Я согласна на все условия, кроме одного, — сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Я не буду спать в одной комнате с вами. Я буду ждать вас в гостиной или в коридоре. Это компромисс.

Он посмотрел на мою руку, потом на лицо. Я держала подбородок выше, чем нужно, — сценическая стойка, в которой нас учили не казаться маленькими. Сейчас очень пригодилась. Только бы не заговорить первой. Я уже предложила условия. Пусть отвечает.

— Компромисс? — он наклонился ниже, его губы оказались в сантиметре от моего уха. — Ты думаешь, ты можешь торговаться со мной? Ты моя собственность, Алина. Собственность не имеет прав голоса.

Резко перехватив мое запястье, он сжал его так сильно, что кости закрипели. Я охнула от боли, но не отшатнулась. Не закричала.

— Если ты дрогнешь хоть раз, — прошептал он, и его дыхание обожгло мою кожу, — я сломаю тебя так, что никто не соберет. Синяки будут видны неделю. А шрамы останутся навсегда.

Я попыталась освободить кисть и тут же перестала: так болело сильнее. Следила за его лицом, чтобы не выдать, насколько. Это он сейчас держит руку. Это он может разжать пальцы. Никакой договор не заставляет меня считать такую хватку нормальной. Но просить «пожалуйста» я не буду.

— Я не дрогну, — выдохнула я.

Марк отпустил руку. Я посмотрела на запястье. Кожа покраснела, проступили отпечатки его пальцев. К вечеру будет синяк. Как объяснить его маме, если она попросит включить камеру?

Он отступил. Я ждала новой издевки, но Марк смотрел на освободившееся запястье. Потом отвёл глаза. Пауза вышла такой длинной, что захотелось спросить, довольный ли он результатом. Не спросила: ещё одной проверки моя рука не выдержит.

— Я ждал, что ты откажешься, — сказал он тихо. В его голосе не было злорадства. Было разочарование. — Ты слишком быстро сдалась, Алина. Слишком покорно. Это скучно.

Я ведь только что торговалась. Стояла и спорила, пока он выкручивал мне руку. А теперь «слишком покорно»? Хорошо устроился: согласилась — слабая, откажусь — дура, которая сама лишилась учебы. Мне нужно было запомнить это ощущение. С ним ни один ответ не окажется правильным, если он заранее решит наказать.

— Подписывай, — бросил он, отвернувшись к роялю. — И помни: я хотел услышать честный отказ. А ты подписываешь всё, лишь бы тебя оставили учиться.

Ручка писала слишком жирно, и первая буква имени расплылась. Я остановилась, перевела дыхание и дописала. Алина Волкова. Узнаваемо, без сокращений. Подпись должна быть моей — хотя бы это здесь остаётся моим.

Контракт был готов. Я взяла бумагу и положила обратно на стол.

— Куда идти? — спросила я, надевая куртку.

Марк не обернулся. Он снова начал играть, но мелодия стала еще более хаотичной, нервной.

— В гардеробную. Там оставлена рубашка. Надень её. Она тебе велика. Так и должно быть.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как синяк на запястье пульсирует в ритме сердца. Первую задачу от нового хозяина я повторяла про себя: гардеробная, рубашка. До чего же хотелось вернуться и бросить ему в лицо подписанный лист. Но подпись уже стояла.

Лица всё ещё ждала за дверью. За время моего разговора она даже не сменила позу. Я удержала папку здоровой рукой, а пострадавшую спрятала в карман. Глаза у неё скользнули вниз. Не увидела. Вот это маленькое удовольствие я оставляю себе.

— Ну что? — процедила она. — Сломали?

Я прошла мимо неё, не удостоив ответом. Только краем глаза заметила, как сжалась её челюсть.

До гардеробной оставалось два поворота. Марк ждал отказа — и почему-то разозлился, когда не получил его. Значит, послушание тоже не спасёт. Нужно понять, чего он добивается, прежде чем соглашаться на следующее условие.

Запястье болело, и рукав натирал красный след. Я отдернула ткань. За учебу я готова работать. Но это не давало ему права делать мне больно.

На следующее утро запястье ныло под манжетой выданной рубашки. До прослушивания оставалось тридцать минут: переодеться, повторить монолог, успеть на сцену. Лица Дарская уже стояла у гримёрки. Разумеется, ей тоже понадобилась именно третья.

В третью гримёрку я всегда приходила перед прослушиванием. Там у зеркала была свободная розетка, можно поставить телефон с таймером. Теперь вместо розетки мне предлагалась Лица. Она стояла у двери, сложив руки, и ни на миллиметр не сдвигалась, хотя прекрасно видела сумку с одеждой у меня под мышкой.

— Ты опоздала, — произнесла она тихо, но её шепот резал воздух острее крика. — Или ты думаешь, что статус «личной прислуги Велесова» дает тебе право игнорировать очередь?

Я повернулась боком, рассчитывая протиснуться. Лица тут же шагнула навстречу и впечатала меня плечом в стену. Я успела прикрыть запястье. Плечо — нет. Несколько секунд мы стояли почти вплотную; её духи были те же, что вчера, и от этого тошнило ещё сильнее.

— Прислуга не должна пахнуть чужими духами, Алина, — прошипела она мне в ухо, и я почувствовала, как холодок пробежал по спине. — И тем более не должна занимать место, предназначенное для королевы. У тебя есть пять минут, чтобы привести себя в порядок в уборной. Если через пять минут ты будешь здесь, я скажу Марку, что ты сорвала его график. Он не любит, когда нарушают его расписание.

Оттолкнув, она отвернулась к зеркалу в коридоре. Проверила волосы. Мне хотелось вцепиться в них обеими руками, чтобы наконец испортить хоть что-нибудь в этой безупречной Дарской. Вместо этого пришлось распутывать куртку, зацепившуюся за гвоздь в стене. Пять минут. Если скандалить сейчас, на сцену я уже не попаду. А Лица туда и так попадает без очереди.

В уборной я положила телефон у раковины и следила за минутами. Я умылась холодной водой, пригладила волосы и дрожащими пальцами натянула простую черную водолазку. Никаких украшений. Никакого макияжа. Только я и текст, который я заучила наизусть.

Из уборной я выбежала с влажной челкой. На репетиционной сцене уже включили свет, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы разглядеть зал за белыми пятнами. Студенты на задних рядах обернулись. Значит, заметили, что я пришла последней. Только бы Марк не спросил почему.

Он сидел на складном стуле, вытянув одну ногу в проход. Тот, кто хотел подняться на сцену, должен был обойти его. Рядом стояла Софья — мы вместе сдавали речь в сентябре. У неё текли слёзы, а руки висели вдоль тела, словно она боялась поднять их без разрешения. Платок. У меня где-то был платок.

Нашла его в кармане и пошла к Софье. Только протянуть, не говорить ничего утешительного. На занятиях ей и так доставалось за то, что легко плачет. Сейчас ещё примут за истерику.

— Стой, где стоишь, — голос Марка прогремел над сценой. Не громко, но так, что мурашки побежали по коже. Он даже не повернул головы ко мне. Его внимание было приковано к плачущей девушке. — Эмоциональная симпатия убивает актёрскую правду, Алина. Ты сейчас пытаешься спасти её или себя?

Девушка всхлипнула сильнее, съежившись. Марк поднял руку, указывая на меня. Пришлось остановиться с платком в пальцах.

— Выключи свет в голове. Здесь нет места добрым самаритянам. Здесь есть только боль. Чистая, неприкрытая, некрасивая боль. Следующий!

Марк указал на очередь. Я убрала платок, не успев его предложить. Софья смотрела в пол. Знала ли она, что я шла к ней? Хотелось сказать потом, что я не отвернулась, что это он не разрешил. Дурацкое оправдание. Но другого у меня сейчас не было.

Свою фамилию я услышала не сразу — так громко стучало в ушах. Встала на отметку из белого скотча, которую наклеила сама неделю назад. Тогда ещё казалось, что эта полоска приблизит меня к роли. Теперь на ней будто требовали стоять смирно. Я подняла глаза вверх зала и приготовилась начать.

— Начнем с текста, — бросил Марк, не глядя на меня. Он листал тетрадь. — Монолог Офелии. Сцена первая, акт второй.

Первую фразу я уже набрала вместе с воздухом. На «но» он поднял руку, и пришлось оборвать вдох, как плохой микрофон. Отлично. Наверняка скажет, что и дышать я не умею.

— Нет. Слишком банально. Ты будешь читать то, что я напишу.

Он протянул мне сложенный вдвое листок бумаги. Я взяла его трясущимися руками. Развернула. На чистой белой бумаге было всего четыре слова, написанных крупным, нервным почерком:

«стол, окно, кровь, тишина».

— Импровизируй монолог, — сказал Марк, откидываясь на спинку стула. — Каждое слово должно быть произнесено с разной степенью боли. «Стол» — с унижением. «Окно» — с надеждой. «Кровь» — с яростью. «Тишина» — со страхом. Время пошло.

Четыре слова. Я перечитала их в обратном порядке: вдруг там обнаружится смысл? Нет. Ни человека, ни причины, по которой он говорит. Только четыре таблички, на которые Велесов велел наклеить мои чувства. В зале кто-то кашлянул. Я ещё стояла с листом и тратила свои секунды. Ладно. Будет ему стол.

Глава 3

Я сделала вдох. Воздух заполнил легкие, холодный и жесткий.

— Стол... — начала я и неожиданно вспомнила наш общежитский, с подложенной под ножку тетрадью. — Я умею садиться так, чтобы он не качался. Локоть сюда не ставить, кружку держать подальше от края. Раньше это считалось ловкостью. А потом пришли они и сели, как им удобно. У них тяжелые часы, тяжелые руки. Тетрадку выдернули: им понадобилось записать, сколько я стою. Стол качается. Каша льется мне на колени, а они говорят: «Что ты такая неловкая?»

Я посмотрела на лист, но букв почти не видела. Передо мной теперь был отец за чужим столом. Такой, каким я представляла его со слов Лики.

На заднем ряду перестали шуршать. Я сама слишком долго смотрела на воображаемую кружку. Подняла голову: следующее слово, иначе всё закончится здесь.

— Окно... У нас оно заедает. Осенью я сказала: пусть, так теплее. А сейчас стою и тяну. Сначала за ручку, потом за край рамы. Мне говорят: не порти, стекло разобьешь. А я уже ногтем соскребаю краску. Хоть щелочку бы. Мне хватит. Чтобы с улицы пахло чужим завтраком. Чтобы слышать, как кто-то смеется не надо мной.

Я вдохнула и прижала ладонь к воздуху, будто действительно нашла раму. — Откроется. Не сегодня, так завтра. А если сломаю ручку, куплю новую. Только пусть откроется.

Лист в пальцах дрожал. Я перевела его в другую руку: если Марк сейчас остановит меня, я хотя бы не стану притворяться, будто это специально.

— Кровь! — Слово я выкрикнула так, что сама вздрогнула. — Одна капля, а сразу всем стало неудобно! До этого можно было давить, щипать, учить, как правильно стоять. Но теперь на белой рубашке пятно. И кто-то должен извиниться. Конечно, я. Я ведь испортила дорогую вещь!

Пальцы сжались в кулак; лист хрустнул. — Нет. Пусть носят. Пусть увидят дома и вспомнят, откуда взялось. Не их кровь. Не их боль. Просто пятно, которое им наконец придется отстирывать самим.

Я слишком много воздуха истратила на крик. Следующий вдох застрял высоко, под ключицами. В зале сидели наши. Не случайная публика — люди, с которыми завтра снова идти на пары. И все сейчас смотрели.

— Тишина... — Я убрала кулак, разжала лист. — Я умею тихо открывать дверь. Сначала нажать ручку до конца, потом потянуть. Чтобы никого не потревожить. Я умею поставить кружку без стука. Умею не спросить, когда можно уйти.

На последнем ряду кашлянули, и я повернула голову на звук. — Если я ещё научусь ходить неслышно, никто вообще не узнает, что я здесь живу. Даже тот, кто однажды придет помочь. Он постучит и уйдет. Решит, что дома никого.

Последнее «никого» я произнесла почти без голоса. Потом хотела вдохнуть и не смогла. Согнулась, будто собиралась поднять упавший лист, хотя держала его в руке. Теперь пусть он что-нибудь скажет. Хоть «плохо». Ненавижу ждать.

Прошло десять секунд. Двадцать.

Аплодисментов не было. Была только тишина. Та самая, которую я только что сыграла.

Стул скрипнул. Марк поднялся, подошел к сцене и встал напротив меня. С близкого расстояния от него пахло табаком и кофе. Я заметила пятно на манжете и почему-то задержалась на нём взглядом. Маленькое коричневое пятно. Его, оказывается, тоже можно испачкать.

— Интересный набор эмоций, — сказал он, остановившись вплотную. — Очень... учебниковый.

Он взял меня за подбородок. Я дернулась — и он сжал сильнее, заставляя поднять голову. Пришлось смотреть ему в лицо, хотя так хотелось отвернуться к Софье или к кому угодно. Декорация бы подошла. Любая вещь, которая не ждёт, чтобы я оправдывалась.

— Ты думаешь, что ты актриса, Алина? — спросил он тихо, но каждое слово било по ушам. — Ты думаешь, что твоя драма имеет вес?

— Я старалась... — прошептала я, пытаюсь высвободиться.

— Ты пыталась, — перебил он. — Это разница. Старание подразумевает результат. Попытка — это процесс, который ни к чему не ведет. — Он усмехнулся, уголок рта дернулся. — Ты забыла главное правило нашей сделки. Ты не имеешь права спорить с условиями. Ты не имеешь права интерпретировать. Ты — должник. А должники не имеют права голоса. Даже на сцене.

Его пальцы соскользнули с моего лица, оставив после себя чувство ожога. Он отвернулся, словно я была насекомым, которое он случайно раздавил.

В этот момент из тени боковых кулис вышла Лика. Она шла уверенно, выпрямив спину, и остановилась рядом с Марком, положив руку ему на плечо. Оставила ладонь там, чтобы все видели. Я смотрела на её пальцы и ждала, когда он сбросит их. Не сбросил.

— Марк, — её голос был мягким, медовым, совсем не похожим на тот яд, который она выплевывала в коридоре. — Может быть, хватит издеваться над новичками? Её техника... хромает. Я готова взять роль Офелии сама. Без этих... экспериментов. Я знаю текст наизусть. Идеально.

Лика взглянула на меня из-под ресниц. Читала ли она хоть раз текст так, чтобы забыть проверить, как выглядит? Мне стало противно от собственного вопроса: зависть слышалась даже внутри головы. Но ведь она сейчас просила не просто роль. Она просила убрать меня.

Я развернула смятый лист. Четыре его слова. Хотелось кинуть Лике: на, покажи, как надо, тебе же легко. Только Лика не взяла бы. А Марк записал бы очередное нарушение. Я представила приказ у Савельева, выдохнула через нос и сложила бумагу пополам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.